

«Красота» Роджера Скрутона*

А. М. Гагинский

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12

Для цитирования: Гагинский А. М. «Красота» Роджера Скрутона // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 4. С. 588–596. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.411>

В рецензии анализируется книга Роджера Скрутона (1944–2020) «Красота», переведенная на русский язык фондом «Теоэстетика». Скрутон выступает против релятивизма в отношении красоты, поскольку красота как понятие, как предмет внимания в XX в. ушла на периферию искусства культуры, ее место заняло «интересное» и «впечатляющее». Скрутон подмечает важную вещь: пренебрежительное отношение к гуманитарному знанию, которое распространено в обществе последние десятилетия, может быть связано с отказом от красоты, что приводит к разрушению гуманитарных дисциплин, они воспринимаются как что-то не вполне серьезное по сравнению с «точными науками». Скрутон показывает: когда кто-то говорит о красоте, он говорит не о своем состоянии, а о самом предмете: «я описываю его, а не себя». Это замечание указывает на то, что красота не просто нечто субъективное и относительное. Тем не менее философ не разделяет метафизическое понимание красоты как одного из свойств Бога, он старается раскрыть данное понятие, не обращаясь к богословию. Все это, как показывает автор рецензии, позволяет начать разговор о красоте, помогая приблизиться к богословской эстетике.

Ключевые слова: Скрутон, красота, добро, истина, трансценденталии, Кант, объективность, субъективность.

Отечественному читателю сэр Роджер Скрутон (1944–2020) до недавнего времени был знаком лишь по введению в философию И. Канта¹, однако в этом году на русский язык переведены сразу две работы британского мыслителя², что говорит о возрастающем интересе к этой персоне. Скрутон более всего известен своей политической позицией: консерватор, аристократ и романтик, он не вполне вписывался в рамки современной

* Рецензия на перевод монографии: Скрутон Р. Красота / пер. с англ. К. Бандуровского. М.: Теоэстетика, 2021.

¹ Скрутон Р. Кант: Краткое введение / пер. с англ. А. Голосовской. М.: Астрель; АСТ, 2006.

² Одновременно с «Красотой» вышла книга на политическую тематику: Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых / пер. с англ. Н. Глазкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2021

западной культуры, ему приходилось вести постоянные дискуссии, так что за этим шумом времени достаточно трудно было разглядеть именно мыслителя, философа. К счастью, перевод его книги о красоте может несколько исправить положение. Здесь мы имеем дело с человеком широчайшей эрудиции, который не только свободно владеет историей эстетики, но и может показать, насколько глубоко укоренены «смыслы и ценности» в нашей жизни.

Как ясно из названия книги, речь в ней идет о красоте. Казалось бы, все довольно просто, однако сразу же выясняется, что говорить о ней чрезвычайно трудно, поскольку мы привыкли к тому, что каждый понимает ее по-своему. Более того, мы привыкли к тому, что так и должно быть: каждому нравится свое, о вкусах не спорят, а потому тема закрыта. Против такого релятивизма в отношении красоты и выступает философ Скрутон. Само по себе уже это немного странно: обосновывать то, что красота действительно важна, значит неявным образом признавать, что к ней имеется некое пренебрежение или безразличие. С этим согласны многие специалисты по эстетике: красота как понятие, как предмет внимания в XX в. ушла на периферию культуры, ее место заняло «интересное» и «впечатляющее». Иначе говоря, предмет искусства теперь не обязательно должен быть красивым, в первую очередь он должен привлекать внимание потребителя, или зрителя, он должен производить впечатление, а какое оно — положительное или отрицательное, созидательное или разрушительное — уже не имеет принципиального значения. Это приводит к появлению большого количества пошлости, к размыванию не только эстетических, но и этических норм и в конечном счете к некоему культурному кризису.

Скрутон весьма точно отмечает данную тенденцию в самом начале книги:

Этот распространенный релятивизм заставил некоторых людей отбросить суждения о красоте как чисто «субъективные». Такие люди утверждают, что нельзя критиковать ничей вкус, поскольку критиковать вкус одного значит просто предоставить голос другому. Следовательно, невозможно учиться или учить тому, что могло бы потенциально заслуживать титул «критики». Такое отношение поставило под вопрос многие традиционные гуманитарные дисциплины. Исследование искусства, музыки, литературы и архитектуры, освобожденное от дисциплины эстетического суждения, по-видимому, не имеет надлежащего основания в традициях и методах, которые позволяли нашим предшественникам считать эти науки ядром учебной программы. Отсюда и нынешний кризис гуманитарных наук: есть ли смысл изучать наше художественное и культурное наследие, коль скоро суждение о его красоте не имеет рационального обоснования? А если мы изучаем его, разве это не должно осуществляться в скептическом духе, ставящем под сомнение притязания этого наследия на объективную авторитетность и деконструирующем трансцендентность его положения? (с. 11).

Скрутон подмечает весьма важную вещь: пренебрежительное отношение к гуманитарному знанию, распространившееся в обществе послед-

ние десятилетия, связано именно с такими мыслительными поворотами. Отказ от красоты, добра и истины приводит к разрушению гуманитарных дисциплин, они воспринимаются как что-то не вполне серьезное по сравнению с «точными науками». Это довольно распространенное явление, и обосновывать его нет нужды. Увы, гуманитарии часто рубят сучья, на которых сидят, а потом удивляются, почему их деятельность оказывается где-то на задворках. Стало быть, нужно понять, в чем причины такого положения дел. Скрутон демонстрирует это на примере истории и рефлексии о красоте. Иначе говоря, разговор о красоте важен не только потому, что сам по себе он прекрасен и философски интересен, но и потому, что имеет еще и прикладное значение: это борьба с китчем и пошлостью, порнографией и осквернением.

Красота — не просто слово, не просто то, что мне нравится. Скрутон пишет: «В этой книге я высказываю предположение, что подобные скептические рассуждения о красоте необоснованны. Я утверждаю, что красота — это реальная и общечеловеческая ценность, укорененная в нашей разумной природе, и что чувство красоты играет незаменимую роль в формировании мира людей» (с. 12).

В этом состоит первый важный пункт данной работы — привлечь внимание к фундаментальному значению красоты, перестать думать, что это просто нечто субъективное и незначительное. Конечно, Скрутон не единственный, кто задумывался об этом. Например, из отечественных исследователей можно упомянуть В. В. Бычкова, который много написал о современном состоянии искусства и, в частности, говорит о пост-культуре нынешнего времени³. Но в случае с «Красотой» сэра Роджера важно отметить один методологический момент: несмотря на то что Скрутон был верующим человеком, в своих текстах он старается не апеллировать к религиозной аргументации. Он предпочитает работать именно как философ, обосновывая свою позицию, так сказать, с точки зрения чистого разума (он все-таки кантианец). Поэтому в рецензируемой книге не найти богословского оправдания красоты⁴, но тем она и важнее для светской аудитории — автор аргументирует, а не ссылается на авторитеты, он мыслит и приглашает мыслить вместе с ним, а не забрасывает читателя историями из прошлого.

В частности, Скрутон начинает книгу с признания почтенной традиции, согласно которой истина, благо и красота едины, в качестве примера ссылаясь на Фома Аквинского, однако тут же показывает, что это

³ Бычков В. В. Пост-культура и современное искусство — Эстетизация дискурса // Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог: Разговор Первый об эстетике, современном искусстве и кризисе культуры. М.: ИФРАН, 2007. С. 8–12.

⁴ Этот подход подробнеем образом проработан в теоэстетике Х. У. фон Бальтазара (*Бальтазар Г. У. фон. Слава Господа. Богословская эстетика: в 7 т. Т. 1: Созерцание формы.* М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2019; см. также другие тома этой масштабной работы) и Д. Б. Харта (*Харт Д. Б. Красота бесконечно: Эстетика христианской истины.* М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010).

древнее учение сегодня практически недоступно, оно попросту непонятно современному человеку. Во всяком случае, даже у людей, которые ему симпатизируют, возникают сомнения в обоснованности данного единства. Например, человек, очарованный красотой мифа, «может поддасться искушению поверить в него, и в этом случае красота — враг истины»; «мужчина, которого привлекает женщина, может поддасться искушению и попустительствовать ее порокам, и в этом случае красота — враг блага» (с. 41–42). «Если это так, то что такое уродство и почему мы его избегаем? И как могут быть опасные красавицы, развратные красавицы и аморальные красавицы?» (с. 43). Короче говоря, Скрутон ставит ряд достаточно тривиальных вопросов, которые на первый взгляд не позволяют говорить о единстве истины, добра и красоты. Этот методологический момент, как мне кажется, весьма важен для структуры книги, поскольку он позволяет автору дальше выстраивать собственную аргументацию, не ища поддержки в истории, и именно это делает книгу более понятной для современного читателя. Конечно, в книге много исторических отсылок и примеров, цитат и иллюстраций, однако в теоретическом, в философском отношении британский мыслитель чувствует себя весьма свободно и не сковывает свою точку зрения традицией.

Интересно, что Скрутон связывает единство истины, добра и красоты с неоплатонизмом:

Та уверенность, с которой некогда выступали философы, связана с предположением, уже ясно высказанным в «Эннеадах» Плотина, что истина, красота и благо являются атрибутами божества, теми способами, которыми божественное единство становится известным человеческой душе. Это богословское видение было отредактировано для христианского использования святым Фомой Аквинским и изложено в тонких и всеобъемлющих рассуждениях, которыми этот философ по праву славится. Но это не та точка зрения, которую мы можем принять, и я предлагаю на время отставить ее в сторону, рассматривая понятие красоты без каких-либо богословских утверждений (с. 42–43).

И в конце книги: «Я безоговорочно отверг неоплатонический взгляд на красоту как на свойство самого Бытия. Бог прекрасен, но не по *этой* причине» (с. 313). Это не вполне справедливо. В античной философии действительно были предпосылки для возникновения учения о трансцендентальных свойствах бытия, однако впервые оно появляется именно в средневековый период. И это не случайно. В самом неоплатонизме были принципиальные трудности для его появления, поскольку бытие, божественное и истина рассматривались как вторичные по отношению к благу, причем последнее не могло быть *атрибутом* чего-либо, даже божественного; кроме того, неоплатоники не принимали тезис Аристотеля об обратимости бытия и единого⁵; наконец, данное учение формулирует-

⁵ Aristotle's metaphysics / ed. by W. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1970. 1003b22–34.

ся Филиппом Канцлером — значительно раньше Фомы⁶. Но эти историко-философские замечания в данном случае не так уж принципиальны. Гораздо важнее то, что Скрутон, несмотря на ясные утверждения, все же не отрицает, что ответы на его вопросы могут быть найдены. Он пишет: «Я не утверждаю, что у Аквината нет ответов на эти вопросы. Но эти вопросы иллюстрируют противоречия, с которыми сталкивается любая философия, ставящая красоту в один метафизический план с истиной, чтобы укоренить ее в сердце бытия как такового» (с. 44). Более того, спустя много страниц Скрутон отметит внутреннее родство красоты и добра: «Согласно приведенному выше анализу, объективности в наших суждениях о красоте так же много, как и в суждениях о добродетели и пороке. Таким образом, красота укореняется в структуре вещей так же прочно, как и благо. Она говорит нам, так же как и добродетель, о человеческой полноте: не о вещах, которые мы хотим, но о вещах, которые мы должны хотеть, потому что человеческая природа требует их» (с. 246). Стало быть, на каком-то более глубоком уровне антагонизм между красотой, благом и истиной все же снимается⁷, но поскольку это требует больших теоретических усилий, строго разработанной метафизики, данная концепция все же не действует в полной мере.

Короче говоря, книга Скрутона написана не для тех, кто погружен в историю бытия настолько глубоко, что может увидеть внутреннюю связь истины, блага и красоты; скорее она адресована большинству современников, которые полагают, что красота относительна, о вкусах не спорят и т. д. Эта книга хороша именно тем, что призывает задуматься, быть может даже впервые, о феномене красоты, осмотреться вокруг и увидеть окружающий ландшафт как место, которое может быть уютным и прекрасным, а не угнетающим и уродливым. Ведь красота касается не только гор, полей и лесов, она во всем, что делает человек.

Итак, как же Скрутон говорит о красоте, как старается ее оправдать?

Прежде всего, он предлагает оставить глубинную суть бытия и рассмотреть красоту как нечто данное человеку, как явление, с которым мы сталкиваемся. Очевидно, что у людей есть опыт, переживание и некое понимание прекрасного, пусть у каждого оно какое-то свое, для начала этого достаточно. Поскольку этот опыт у нас имеется, его можно проанализировать. Скрутон предлагает восемь трюизмов, как он их называет, т. е. довольно простых наблюдений о феномене прекрасного, с которыми легко согласиться и из которых следуют далеко идущие выводы. Вот они:

- красота радует нас;
- одна вещь может быть красивее другой;

⁶ См. по этому поводу: *Aertsen J. Medieval philosophy as transcendental thought: From Philip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez. Leiden: Brill, 2012.*

⁷ Ср. у Ницше: «Антагонизм “истинного”, “прекрасного” и “доброего”» (*Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 29.*)

- красота всегда является причиной того, что мы уделяем внимание вещи, которая ею обладает;
- красота — это предмет суждения: суждения вкуса;
- суждение о вкусе — это суждение о красивом предмете, а не о душевном состоянии субъекта; описывая предмет как красивый, я описываю его, а не себя;
- тем не менее не существует суждений о красоте, полученных из вторых рук; вы не можете ни убедить меня в суждении, которое я бы не вынес самостоятельно, ни стать экспертом по красоте, просто изучая то, что другие говорили о красивых предметах, не переживая самостоятельно и не вынося своего суждения;
- человеческая красота вызывает желание;
- вызывать желание — вовсе не случайная особенность человеческой красоты (с. 45, 92, 112).

Кажется, что эти тезисы вполне просты и понятны, сам автор их раскрывает с разной степенью подробности. В данном случае хотелось бы обратить внимание на следующее. Когда кто-то говорит о красоте, он говорит не о своем состоянии, а о самом предмете: «я описываю его, а не себя». Это замечание, с которым, как мне кажется, сложно не согласиться, указывает на то, что красота — это не просто нечто субъективное и относительное. Если я описываю сам предмет, а не себя, если этот предмет менее красив, чем какой-то другой, если он вызывает во мне интерес и об этом предмете можно судить «суждением вкуса», то совокупность этих признаков предполагает, что красота не есть лишь нечто субъективное. В кантовском духе Скрутон стремится показать, что наши суждения о красоте рационально обоснованы. В частности, в самом конце книги он пишет:

Мой ответ прост: все, что я сказал о переживании красоты, подразумевает, что это переживание рационально обосновано. Оно заставляет нас искать смысл в его предмете, критически сравнивать и исследовать нашу собственную жизнь и эмоции в свете того, что мы находим. Искусство, природа и человеческий облик приглашают нас поместить этот опыт в центр нашей жизни. Если мы так поступим, нам будет предложено место отдохновения, в котором мы никогда не устанем. Но воображать, что мы можем сделать это и вместе с тем быть свободными видеть в красоте не более чем субъективное предпочтение или источник преходящего удовольствия, — значит неправильно понимать ту глубину, до которой смыслы и ценности проникают в нашу жизнь. Это значит не видеть, что для свободного существа есть правильное чувство, правильный опыт и правильное наслаждение в той же мере, что и правильное действие. Суждение о красоте упорядочивает эмоции и желания тех, кто его составляет. Оно может выражать их удовольствие и их вкус, но это удовольствие от того, что они ценят и что они ощущают в качестве своих истинных идеалов (с. 314–316).

Вероятно, можно выделить три основные позиции по вопросу о красоте: реализм — красота как свойство бытия, нечто объективное; номи-

нализм — красота «в глазах смотрящего», нечто субъективное; формализм — красота не есть лишь субъективное предпочтение, но и не достигает объективной реальности, при этом она рационально обоснована, однако ее онтологический статус остается непроявленным, что примерно соответствует *distinctio formalis*⁸. Что она такое? Каков ее статус? Эти вопросы в книге намеренно остаются без ответа: «Читатель заметит, что я не сказал, что *есть* красота» (с. 313). Скрутон справедливо полагает, что попытка определить красоту неизбежно приводит к чему-то вроде «натуралистической ошибки»⁹, поскольку «все подобные определения исходят из неверного взгляда на субъект, соотносясь не с “вещами в мире”, а с конкретным опытом их восприятия и поиска смысла, вытекающего из этого опыта» (с. 314). Однако важно отметить, что, несмотря на эту неопределенность, формализм преодолевает субъективистское и релятивистское отношение к красоте и искусству.

Еще раз повторю: отсутствие богословской перспективы является достоинством этой книги, потому что именно в таком виде она становится более понятной для современного читателя, в основной массе далекого от богословия, а также потому, что позволяет говорить о красоте до и без обращения к метафизике. Несомненно, именно в последней можно найти подлинное раскрытие значения красоты, однако в эпоху кризиса метафизики нужны и такого рода пролегомены — вполне понятные и не перегружающие читателя онтологическими импликациями. Лишь после того, когда станет понятно, что красота не есть «мне так кажется», что она по крайней мере рационально обоснована, как говорит Скрутон, можно будет увидеть и богословский горизонт этой проблематики.

Х. У. фон Бальтазар писал:

Красота, в которую мы больше не отваживаемся верить и которую превратили в эфемерность, чтобы проще было от нее избавиться, но которая (как сегодня выясняется) требует столько же мужества и решимости, сколько истина и доброта, и которая не дает себя отделить от двух других своих сестер без того, чтобы в таинственном акте мести не увлечь за собой обе другие. Кто при ее упоминании презрительно поджимает губы, как если бы она была декоративной деталью мещанского прошлого, тот наверняка уже не способен молиться и в скором времени лишится способности любить¹⁰.

Иначе говоря, возвращение красоты, которым занимается Скрутон, предполагает гораздо больше, чем может допустить сам автор. Красота открывает добро и истину, она позволяет преодолеть тот гуманитарный кризис, о котором британский философ говорит в самом начале книги.

⁸ См. подробнее: *Вдовина Г. В.* Гервей Наталис и его полемика с ранними скотистами о формальностях и формальном различии в Боге // *Вопросы теологии.* 2020. Т. 2, № 3. С. 409–418.

⁹ Подобной той, что Мур сформулировал в отношении добра: *Мур Дж.* Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. С. 67–68.

¹⁰ *Бальтазар Г. У. фон.* Слава Господа. Богословская эстетика. Т. 1. С. 4.

Это происходит потому, что красота придает сияние бытию, которое воспринимается уже не как «голое полагание вещи», как было у Канта, но как «некоторый свет»:

Если Фома мог определить бытие как «некоторый свет» для существующего, то разве этот свет не должен будет угаснуть там, где разучились говорить на языке света и где человек не может даже самому себе пересказать тайну бытия? То, что остается в сухом остатке, — это порция существования, которая, мысля себя духом и свободой, остается по сути темной и непостижимой. Свидетельство бытия кажется невероятным тому, кто больше не воспринимает красоты¹¹.

Однако Скрутон не идет так далеко, он предпочитает оставаться на кантианских позициях. Тем не менее он делает большое дело, расчищая и подготавливая путь богословию красоты: «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф 3:3).

Статья поступила в редакцию 10 августа 2021 г.
Статья рекомендована к печати 1 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Гагинский Алексей Михайлович — канд. филос. наук, ст. науч. сотр.;
algaginsky@gmail.com

Beauty by Roger Scruton*

A. M. Gaginsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Gaginsky A. M. *Beauty by Roger Scruton. Issues of Theology*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 588–596. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.411> (In Russian)

This review discusses the book *Beauty* by Roger Scruton (1944–2020), translated into Russian by the Theoaesthetics Foundation. Scruton opposes relativism with regard to beauty because beauty as a concept, as an object of attention in the 20th century, has moved to the periphery of art and its place has been taken by “interesting” and “impressive”. Scruton notes an important thing: the disdain for humanitarian knowledge that has been prevalent in society in recent decades can be linked to the rejection of beauty, which leads to the destruction of the humanities. They are perceived as something not as serious compared to exact sciences. Scruton shows that when someone talks about beauty, he is not talking about his own condition, but about the subject itself: “I am describing it, not myself”. This observation indicates that beauty is not just something subjective and relative. Nevertheless, the philosopher does not share the metaphysical understanding of beauty as one of the properties of God; he tries to reveal this concept without turning to theology. All this, as

¹¹ Там же. С. 5.

* Review of monograph: *Scruton R. Beauty* / transl. by K. Bandurovskii. Moscow: Theoaesthetics Publ., 2021.

the author of the review shows, allows us to start a conversation about beauty and theological aesthetics.

Keywords: Scruton, beauty, good, truth, transcendentals, Kant, objectivity, subjectivity.

References

- Aertsen J. (2012) *Medieval philosophy as transcendental thought: From Philip the Chan-cellar (ca. 1225) to Francisco Suárez*. Leiden, Brill Publ.
- Balthazar H. U. von. (2019) *The Glory of God. Theological aesthetics*. In 7 vols, vol. 1: *Contemplating of the form*. Rus. ed. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ. (In Russian)
- Bychkov V. V. (2007) “Post-culture and modern art — aestheticisation of discourse”, in *Bychkov V. V., Mankovskaia N. B., Ivanov V. V. Trialog: The first conversation about aesthetics, modern art and crisis of culture*, pp. 8–12. Moscow, IFRAN Publ. (In Russian)
- Hart D. B. (2010) *The beauty of the infinite: The aesthetics of Christian truth*. Rus. ed. Moscow Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ. (In Russian)
- Moor J. (1984) *Principia Ethica*. Rus. ed. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Nietzsche F. (2005). *Will to power*. Rus. ed. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ. (In Russian).
- Ross W., ed. (1970) *Aristotle's metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Scruton R. (2008) *Kant: Short introduction*. Transl. by A. Golosovskaya. Rus. ed. Moscow, Astrel Publ., AST Publ. (In Russian)
- Scruton R. (2021) *Fools, Frauds and firebrands: Thinkers of the new left*. Transl. by N. Glazkov. Rus. ed. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russian)
- Scruton R. (2021) *Beauty*. Transl. by K. Bandurovskii. Rus. ed. Moscow, Theoaesthetics Publ. (In Russian)
- Vdovina G. V. (2020) “Hervaeus Natalis and his polemics with the early scotists about formalities and formal distinction in God”, in *Issues of Theology*, vol. 2, no. 3, pp. 409–418. (In Russian)

Received: August 10, 2021

Accepted: September 1, 2021

Author's information:

Alexey M. Gaginsky — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow;
algaginsky@gmail.com